

мог помочь Митридату. Возможно, поэтому в отличие от Боспора и Колхиды здесь отсутствуют укрепления даже на ближней хоре.

С.Ю. Сапрыкин, конечно, прав в том, что одна из причин непрочности Евпаторовой державы кроется в его политике: считая себя верховным земельным собственником, он противопоставлял царские земли полисным, ограничивал автономию городов, будучи заинтересованным только в создании военного могущества Понта и укреплении армии, с помощью которой он мог вести продолжительные войны, забывая при этом, в каком состоянии находятся уже покоренные им народы и племена. Под маской бога Диониса он привел созданную им Панпонтийскую – во многом иллюзорную – державу к плачевному финалу.

Последние вопросы, которые соответственно поставленным задачам рассматриваются в монографии, – это падение династии Митридатидов и кратковременное существование государства при Полемонидах. С.Ю. Сапрыкин подробно останавливается на малоисследованном вопросе о причинах и характере выступления последнего представителя династии Митридатидов Аршака и проводимой в Понте политике Марка Антония, заменившего в 37 г. до н.э. на понтийском престоле царя Дария Полемоном, сыном ритора Зенона, который не принадлежал к ахеменидо-митридатовскому роду. Влияние Рима и его вмешательство во все дела понтийских царей из династии Полемонидов были столь значительны, что в итоге, несмотря на их проримскую ориентацию, в 63/64 г. Нерон упразднил Понтийское царство, присоединив его к провинции Галатия. Совсем иная ситуация сложилась на Боспоре, где в результате побед над Полемонидами в их союзе с Римом при сохранении определенных митридатовских традиций до конца античной эпохи продолжало существовать сильное государство по сути эллинистического типа.

Таким образом, С.Ю. Сапрыкиным в хронологической последовательности на высоком научном уровне исследована история Понтийского царства – уникального государственного образования с его ярко выраженными греко-варварскими чертами, гегемонистской политикой царей, стремившихся к его территориальному расширению под лозунгом преемственности персидских царей и Митридатидов. Границы Понта были неустойчивыми и зыбкими, часто менялись, и это неплохо было бы проиллюстрировать картами.

Главная заслуга автора состоит в том, что он в значительной степени опирается на первоисточники, и вместе с тем дает представление об огромном библиографическом аппарате. Поскольку, по-видимому, работа была написана несколько лет тому назад, литература по данной проблематике 90-х годов использована им в меньшей степени. Само собой разумеется, что такая большая, содержательная работа не лишена неясностей, просто общих фраз, противоречий, а также спорных утверждений, которые могут стать предметом дискуссии. Однако важнее всего то, что историки и археологи получили очень интересную и нужную книгу, на которую можно будет опираться в дальнейших исследованиях различных вопросов истории Причерноморья времени существования Понта. Весьма желательно, чтобы автор продолжил исследование, но уже в ракурсе религиозно-политического и культурного его развития.

А.С. Русаева

* * *

Интерес к истории Понтийского царства в той или иной степени всегда был свойственен отечественной историографии, хотя приоритет в ее обуздании до сих пор все же сохраняют зарубежные исследователи. Особенно это касается общих трудов. В этой связи появление книги С.Ю. Сапрыкина несомненное событие в нашей исторической науке, которое не может не привлечь к себе внимания. И это тем более важно, что автор концентрирует свое внимание на малоисследованных и дискуссионных вопросах истории Понта. Им рассматриваются понтийские эры и причины их изменения, происхождение династии Митридатидов, подоплека агрессивной политики Понта в Малой Азии, законность притязаний понтийских царей на те или иные территории, царское и полисное землевладение и многое другое. Впервые в отечественной историографии в столь полном объеме излагаются вопросы истории Понта после смерти Митридата Евпатора. К несомненным заслугам автора следует отнести и попытку создать законченный очерк политической истории Понта с момента его возникновения и до превращения в римскую провинцию. Большим плюсом работы является авторский анализ нумизматики Понта и представленные им в качестве иллюстрации таблицы монет.

Изложению взглядов автора предшествует введение, в котором автор дает краткий

географический обзор Понта, беглый обзор историографии его исследования и общую оценку источников. Учитывая огромное количество работ по тем или иным вопросам истории Понта, что делает сегодня возможным (и желательным) подготовку самостоятельных историографических исследований диссертационного и монографического характера, подобная краткость вполне оправдана. Далее, по уже установившейся традиции и для других исследований по истории Понта, автор выделяет в качестве самостоятельных разделов историю Понтийского царства до прихода к власти Митридата Евпатора и политическую историю Понта при этом правителе. Затем следуют новые разделы, посвященные социально-экономическим отношениям в Понтийском царстве и превращению Понта в римского вассала. Все основные разделы работы написаны хорошим научным языком с присущим автору полемическим задором и в целом производят благоприятное впечатление. Во всяком случае не вызывает сомнений, что концепция С.Ю. Сапрыкина имеет право на существование. Но при этом хотелось бы отметить некоторые пункты этой концепции, которые, судя по источникам, не всегда могут интерпретироваться столь однозначно, как это представляется автору. Разумеется, высказываемые замечания ни в коей мере не означают, что именно С.Ю. Сапрыкин неправильно понял те или иные сведения античных авторов. Каждый автор, занимающийся тем или иным разделом науки, имеет право на свое видение предмета. Однако нельзя совершенно игнорировать то, что в любом научном исследовании может оказаться недостаточно доказуемым и на этом основании отвергать другие, уже существующие в науке точки зрения.

Первым из таких факторов в монографии С.Ю. Сапрыкина является происхождение династии понтийских царей. Автор возводит его к одному из семи персов, убивших мага Гаумату, а именно – к Отану и считает первым царем Понта Митридата, сына Митридата. Рассмотрев все сообщения источников по этому вопросу, автор приходит к выводу, что наиболее достоверным является сообщение Плутарха. "Следует же оговорить, что Плутарх в целом верно понял свой источник, приписав, правда, патронимик отца молодому Ктисту, что дало возможность отнести к нему и вещей сон Антигона, тогда как версии Аппиана и Псевдо-Лукиана в общем совпадают. Из этого следует, что Диодор скорее всего пользовался непосредственно текстом Иеронима, тогда как Плутарх, Аппиан и псевдо-Лукиан использовали его в передаче другого автора" (С. 19–20). Ни в этом месте, ни раньше доказательств преимущественного доверия Плутарху нет. Утверждение об использовании Диодором текста труда Иеронима также не доказывается, а постулируется, со ссылкой на работы Э. Мейера, Р. Дрюса, свой очерк историографии эпохи эллинизма и статьи автора этих строк. Не буду говорить за других авторов, но в моей работе *доказывается* как раз обратное¹. И я не могу без дополнительных аргументов признать более качественными сведения Плутарха, равно как и использование Диодором текста труда Иеронима непосредственно. Видимо автору следовало бы уделить больше внимания данному вопросу.

Далее автор рассматривает мнения различных исследователей по данному вопросу и в частности жалеет, что я присоединился к точке зрения Р.Х. Лепера. По мнению С.Ю. Сапрыкина "Лепер не следует показаниям источников... Митридат II Киосский, принимаемый Лепером за Ктиста, убит не в Понте, как того хочет исследователь, а в Киосе и Мирлее (Аррине–Карине). По надежным сведениям Иеронима, его сын являлся ровесником Деметрия Полиоркета (см. выше)" (С. 22). Однако Р.Х. Лепер приводит целый ряд доказательств своей точки зрения, которые С.Ю. Сапрыкин не опровергает иными аргументами кроме невозможности убийства одного Митридата в двух разных городах. Весьма сомнительный аргумент, тем более, что Р.Х. Лепер на этот счет такого же мнения.

Также нет доказательств (ни здесь, ни выше, как говорит автор) того, что информация о том, что Митридат Ктист был ровесником Деметрия Полиоркета восходят непосредственно к Иерониму. Об этом сообщает только Плутарх, который, по мнению самого С.Ю. Сапрыкина, использовал сведения Иеронима через вторые руки. Поэтому упрек в адрес Р.Х. Лепера трудно признать убедительным.

То же касается и якобы бездоказательности моего предположения о бегстве Митридата Ктиста от Антигона в 315 г. до н.э. Автор пишет: «Аппиан ничего подобного не говорит: согласно его данным, в 316–315 гг., когда Антигон стал владыкой Переднего Востока, у него в свите находился Митридат – "перс царского рода". Измену последнего Аппиан относит к более позднему времени, как, впрочем, и Диодор, Плутарх и псевдо-Лукиан. К тому же из сообщений Плутарха и Диодора недвусмысленно вытекает, что создателем Понтийского царства был

¹ Молев Е.А. Митридат Ктист – правитель Понта // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси. 1985. С. 583.

именно молодой Митридат, друг Деметрия» (с. 22–23). 9-я глава «Митридатике» Аппиана посвящена именно возникновению Понтийского царства. И то, что он начинает рассказ о событиях того времени с сообщения о том, что Антигон «стал править Сирией» (а вовсе не стал владыкой Переднего Востока, как считает автор) является несомненным указанием на начало отсчета истории самостоятельных действий Митридата. И нигде позднее Аппиан к этому вопросу больше не возвращается, как не говорит и об измене Митридата ни в этой, ни в последующих главах. Упоминание об измене Антигону (попытке перейти к Кассандру) имеется только у Диодора, который в свою очередь ничего не сообщает о бегстве Митридата от Антигона, а лишь фиксирует, что Митридат был убит за измену, будучи правителем Киоса и Карины (Кимматы). Причем он не говорит, где именно был убит Митридат.

Плутарх, как и Аппиан, связывает бегство Митридата от Антигона с вешим сном последнего и именно беглец от Антигона у него рассматривается как основатель царства. И поскольку именно эта версия совпадает с версией Аппиана, но Аппиан не приводит отчества бегльца, а Плутарх приводит, то более правомерно признать ошибку Плутарха в возрасте Ктиста, чем в патронимике. Тем более, что два наших единственных источника, называющих прозвище «Ктист», связывают его именно с беглецом от Антигона и ничего не говорят о его измене (Strabo XII, 3, 41; Lucian. Macr. 13). И, наконец, Диодор вовсе не утверждает, что основателем Понтийского царства стал Митридат, сын Митридата. Он говорит, что этот последний наследовал власть Митридата, сына Ариобарзана, над уже имевшимися владениями и присоединил к себе сверх того еще каппадокийцев и пафлагонцев. Но если человек наследует чью-то власть в государстве, может ли он считаться основателем этого государства? По крайней мере формально. И хотя в нашем случае *фактическим* создателем царства был именно Митридат, сын Митридата, он не был Ктистом античных авторов.

Опровержение предположения, что Митридат не мог править Киосом после похода Александра Македонского, серией медных монет с головой Митры неубедительно. Во-первых, сам автор, приводя их, не уверен в том, что они символизируют – персидское влияние в городе или подчинение его сатрапам (с. 23). На мой взгляд, это разные вещи. Во-вторых, эти монеты могли быть выпущены и обращались в городе и до походов Александра Македонского, когда город действительно находился под властью Митридата, сына Ариобарзана, и много после независимо от того кем они были выпущены.

Таким образом родословная предков понтийских царей (а не их самих, как это указано в книге С.Ю. Сапрыкина) заканчивается на Митридате, сыне Ариобарзана, который и был Ктистом Понтийского царства. Попытка С.Ю. Сапрыкина отвергнуть это на основании исследования эр Понта не убеждает. По его мнению, существование эры от 336 г. при Фарнаке не может быть свидетельством в пользу нашего Ктиста, поскольку в этом случае династию надо было начинать с Митридата Киосского или Ариобарзана. Но ни тот, ни другой не были в отличие от нашего Ктиста самостоятельными правителями. Они были лишь сатрапами царей Персии. А именно Митридат, сын Ариобарзана, бежав от Антигона, приобрел независимость. И потом, почему надо думать, что эру от 336 г. ввел именно Фарнак? В херсонесском договоре, где говорится об этом, фиксируются понтийское и херсонесское летоисчисление без всякого указания на то, что это что-то новое. И данная система отсчета лет в Понте существовала, скорее всего, изначально с того самого Ктиста, который был основателем государства, хотя и без титула царя.

Рассуждения автора о происхождении династии Митридатидов от Дария III и Отана построены исключительно на допущениях и предположениях. Они противоречат исторической традиции, возводящей род царей Понта кроме семи персов только к Дарию I, причем по мужской линии. С.Ю. Сапрыкин прекрасно знает это, но тем не менее дает эту линию родства царей Понта в своей таблице на с. 37 по женской линии, возводя мужскую линию к Отану. Вряд ли это удачное предположение, если вспомнить, что со времени составления Бехистунской надписи, где Дарий прямо упоминает о составлении генеалогии своих предков, тем самым доказывая свои права на престол, этот аргумент несомненно принимался в расчет и всеми его преемниками при занятии престола и, следовательно, персидская знать (т.е. те, кто всерьез могли оспаривать претензии на трон) хорошо представляла себе родословную Ахеменидов. Что же касается простого населения, да еще не Персиды, а Малой Азии, то наивно думать, что оно во II–I вв. до н.э. «хорошо знало персидских царей и сатрапов и вряд ли поверило бы в вымыслы царской пропаганды» (с. 38). Для него вполне хватало того, что их нынешние правители были из рода персидских царей.

Рассматривая внешнюю политику понтийских царей, С.Ю. Сапрыкин многократно упоминает о законности тех или иных их претензий на основании родства с Отанидами и Дарием III. Однако в источниках все упоминания о претензиях на чужие территории связаны только с

именем Митридата Евпатора, а этот последний нигде не ссылается на свое родство с названными лицами как основание для таковых претензий. Во всех случаях понтийские цари, как и прочие правители эпохи эллинизма, брали только то, на что хватало их сил и возможностей и не слишком утруждали себя обоснованием захватов.

Вопрос о создании Северной Лиги и роли в ней царя Понта написан автором более убедительно за исключением, быть может, вопроса о времени подчинения Амастрии. С.Ю. Сапрыкин считает возможным датировать это событие царствованием Ариобарзана. Но в заметке Мемнона Ариобарзан не назван царем и к тому же передача города была осуществлена «даром», т.е. без каких-либо политических условий. А значит такая передача могла состояться и до прихода Ариобарзана к власти в Понте.

Нумизматические исследования автора и в данной и в последующих главах достаточно основательны. Но хочется отметить один факт, которому и здесь и далее автор придает явно чрезмерное значение. Речь идет о сходстве монограмм монетных чиновников как основании для подчинения тех или иных пунктов царям Понта. В свое время еще А.Л. Бертье-Делагард предупреждал о ненадежности такого заключения. Думаю, при использовании такого рода аргументов надо быть более осторожным.

Рассматривая политическую деятельность Фарнака I, С.Ю. Сапрыкин весьма своеобразно трактует сведения Полибия о планах этого царя в отношении Синопы. По мнению автора, «захват Синопы не был прямо связан с задачами, которые ставил Фарнак на западе» (с. 71), что, якобы, подтверждается отсутствием Синопы в мирном договоре 179 года. Но почему Синопа *должна была* фигурировать в договоре о мире между малоазийскими правителями, война между которыми началась позже подчинения Синопы Понту! Она ведь уже не была одним из «свободных» городов, которые были включены в договор. А то, что ее захват значительно усиливал позиции понтийского царя в предстоящих столкновениях с противниками, сам автор не ставит под сомнение. Утверждение автора, что римляне отправили комиссию для рассмотрения дел синопейцев и родосцев независимо от расследования конфликта царей со ссылкой на Полибия, противоречит тексту. У Полибия свидетельство о данной комиссии дано в одной фразе: «сенат обещал направить послов для расследования дела синопян и несогласий между царями» (Pol. XXIII, 9. 3–4). Поэтому, мне кажется, считать факт захвата Синопы выпадающим из цели и вполне конкретно направленной политики Фарнака нецелесообразно.

Противоречиво выглядят и некоторые другие оценки событий войны 183–179 гг. Так, на с. 71 автор называет причиной войны стремление Фарнака не допустить расширения владений Пергама в Вифинии за счет Фригии и Галатии, отданных Пергаму Римом, на с. 76 говорит, что Фарнак считался с позицией римлян и с ее учетом строил собственную политику. На с. 78–79 автор делает вывод о том, что мирный договор 179 года был важным успехом Рима в борьбе с Македонией. Разумеется, и для римлян, и для македонян накануне их третьей войны было важно заполучить новых и надежных союзников. Но о Македонии в договоре нет ни слова и потому можно лишь предполагать, что участники договора уже не имели права устанавливать дружественные отношения с Македонией, но отнюдь не утверждать.

Столь же сомнительно утверждение, что «включение в мирный договор Херсонеса и сарматского царя Гатала *юридически и политически* скрепляло союз Херсонеса и сарматов перед лицом нового скифского вторжения» (с. 79). Данное утверждение проистекает из того, что царство сарматского царя Гатала, упомянутого Полибием, по мнению С.Ю. Сапрыкина, находилось в междуречье Днепра и Дона, поскольку Полибий разграничивал Европу и Азию по Танаису – Дону, и, следовательно, сарматы и Херсонес оказывались естественными союзниками в борьбе с общим врагом – скифами. Однако критика Страбоном (II. 4. 5) информации Полибия о течении Танаиса в сочетании со словами самого Полибия о землях к северу от Танаиса («пространство между Танаисом и Нарбоном, обращенное к северу, неизвестно нам по настоящее время... говорящие или пишущие что-либо об этих странах сами ничего не знают и рассказывают басни» – III. 38. 2) делает вполне вероятным предположение, что Полибий понимал под Танаисом Кубань. Недаром практически у всех современных исследователей, несмотря на расхождения в частности, центр сарматских владений в III–II вв. до н.э. единодушно помещается за Танаисом, откуда они и совершали свои набеги на Скифию². А при столь значительном удалении их от владений Херсонеса и полном отсутствии сведений

² *Полин С.В.* От Скифии к Сарматии. Киев. 1992; *Simonenko A.V.* The Problem of the Sarmatian Penetration in the North Pontic Area According to Archaeological Data // *Il Mar Nero*. 1994. 1; *Марченко И.И.* Сираки Кубани. Краснодар, 1996; *Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я.* Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. 1997. № 3; *Виноградов Ю.* Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I² 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 123 сл.

источников о политических и тем более юридических соглашениях сарматов и Херсонеса делать вывод об их тесном сотрудничестве преждевременно.

Говоря об экономическом развитии Понта при Митридате Эвергете, автор ссылается на рост числа находок керамических клейм Синопы во второй половине II в. до н.э. Однако следовало бы в данном случае хотя бы оговорить свое несогласие с датировкой клейм, предложенной Н.Ф. Федосеевым, согласно которой астиномное клеймение в Синопе прекращается после ее подчинения Фарнаку³.

Наиболее полно исследована С.Ю. Сапрыкиным политическая история Понта при Митридате Евпаторе. Здесь многие выводы автора гораздо более обоснованы и убедительны. Так, например, не вызывает сомнений аргументация автором факта семилетнего отсутствия Митридата Евпатора в первые годы его правления⁴, общая оценка политических шагов этого царя и характера его взаимоотношений с соседями и Римом. Но некоторые из положений все же вызывают определенные сомнения. Так, например, оценка понтийской анонимной меди, предложенная в свое время К.В. Голенко⁵, выглядит более убедительной. Если исходить из того, что монетная чеканка Понта находилась под полным контролем царей (как считает и сам автор), то трудно себе представить выпуск анонимных оболлов как чекан одного из храмовых центров. Скорее эти выпуски все же были предприняты в последние годы Митридата Эвергета, с тетрадрахмами которого анонимная медь (как отмечает и сам С.Ю. Сапрыкин на с. 119) имеет прямую связь.

Столь же сомнительным представляется начинать римско-понтийские войны с конфликта из-за Каппадокии в 95/94 гг. И у Аппиана, и у Юстина, и у других авторов начало этих войн везде связано с личным участием Митридата, чего не было в том конфликте.

Можно поспорить также с описанием хода военных действий под Херсонесом и помещением Евпатория в районе Южной бухты⁶. В данном случае автор, как и в своей предыдущей монографии⁷ отдает предпочтение информации Страбона. Мне же представляется более убедительной информация декрета в честь Диофанта, поскольку Страбон не дает ни хронологической последовательности событий, ни точного расположения Евпатория. Более того, осада Ктенунта в его рассказе вовсе не связана с Евпаторием. Координаты же этого последнего, указанные Птолемеем (III. 6. 2), подтверждают предположение Д.С. Раевского о возможности расположения этой крепости в районе городища Кара-Тобе. То, что в декрете в честь Диофанта для сообщения об основании Евпатория использовано причастие от глагола σπιουκίτω, а этот глагол в эллинистическое время, как правило, используется в смысле "заселять повторно", показывает, что город этот, вероятнее всего, был основан за счет жителей ближайших поселений, т.е. жителей херсонесской хоры Северо-Западного Крыма. То, что здешнее греческое население было истреблено скифами никем не доказано, ибо приводимые аргументы характерны для описания любых военных действий⁸. А наличие весьма значительного греческого населения в столице скифов Неаполе, о чем свидетельствуют материалы археологии⁹, дает основание думать, что и подчинение скифами Северо-западного Крыма отнюдь не сопровождалось поголовным истреблением эллинов, которые и могли быть использованы Диофантом для создания им нового опорного пункта для дальнейшего наступления. Использование им для этой цели воинов своего немногочисленного войска менее вероятно.

Невозможно согласиться и с трактовкой С.Ю. Сапрыкиным данных декрета в честь Диофанта о том, что Митридат был «воспитанником» царя Перисада V. По контексту декрета, как это вполне убедительно было показано еще С.Я. Лурье и другими исследователями¹⁰,

³ Федосеев Н.Ф. Уточненный список магистратов, контролирующих керамическое производство в Синопе // ВДИ. 1993. № 2. С. 91.

⁴ Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород. 1994. С. 20–21; *Он же*. Властитель Понта. Нижний Новгород. 1995. С. 30–31.

⁵ Голенко К.В. Понтийская анонимная модель // ВДИ. 1969. № 1. С. 130–154.

⁶ Молев. Властитель Понта. С. 51.

⁷ Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 215 сл.

⁸ Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 362.

⁹ Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев. 1979. С. 191–192; Зайцев Ю.П., Пузровский А.Б. Неаполь Скифский в эпоху Диофантовых войн // Северо-западный Крым в античную эпоху. Киев. 1994. С. 233.

¹⁰ Lurie S. Jeszcze o dekrecie ku czci Diofantosa. Meander. 1959. № 2; Казакевич Э.Л. К полемике о восстании Савмака // ВДИ. 1963. № 3; Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 1.

следует, что «воспитанником» боспорского царя был именно тот, против кого скифы составили заговор и кто скрылся от них на корабле херсонеситов. А таковым был именно Диофант. Можно привести и другие аргументы¹¹. С другой стороны, автор несомненно прав, говоря, что восстание скифов обусловлено именно передачей власти на Боспоре Митридату, для которого Савмак был реальным соперником.

На мой взгляд, противоречит информации Страбона и интерпретация действий Неоптолема. С.Ю. Сапрыкин считает, что Неоптолем разгромил сарматов на Боспоре и бастарнов в районе Тиры и Ольвии в 91–88 гг. Но Страбон называет разгромленных на Боспоре противников Неоптолема просто варварами, а имя полководца, победителя сарматов и бастарнов, Плутарх вообще не называет. Имя Неоптолема было связано с этими победами исключительно из-за наличия Неоптолемовой башни (Strabo VII. 3. 16) в районе Тиры. Но эта башня никак не связана с именем понтийского полководца, о чем неоднократно говорили М.И. Ростовцев, П.О. Карышковский, Л.И. Грицианская, М.В. Агбунов. А потому не может быть полной уверенности в том, что понтийскими войсками в этих войнах командовал именно Неоптолем.

С другой стороны, то, что варвары, разгромленные Неоптолемом, у Страбона были именно сарматами, трудно представить, поскольку первой победы над ними зимой в конном строю оказалось недостаточно для их разгрома и на следующую же зиму им пришлось громить в морском сражении. Наличие же у какого-либо сарматского племени сколь-нибудь значительного флота ничем не подтверждается. Вот почему я продолжаю думать, что победы Неоптолема у Страбона связаны с продолжением войны Понта со сторонниками независимости Боспора в Азии после разгрома Савмака. Этому не противоречит и датировка надписи из Нимфея. С.Ю. Сапрыкин совершенно справедливо вслед за Ю.Г. Виноградовым и П.О. Карышковским не исключает того, что Митридат мог принять титул «царь царей» этой надписи в результате побед над варварами, имеющими правителей в ранге царей. Так, например, поступил Тигран II, когда подчинил окрестных династов (Arr. Sup. 48). Такой титул Митридат мог принять, скорее всего, именно после победы над Савмаком, когда в его власти оказались управлявшиеся прежде собственными царями территории Малой Армении, Колхиды, Скифии и Боспора. Особенно важной при этом была победа над скифами, считавшимися в то время непобедимыми (IRE. I². 352, стк. 8; Just. XXXVII. 3. 1).

Не могу я согласиться и с датировкой С.Ю. Сапрыкиным времени вхождения в состав Понта Малой Армении и Колхиды. Автор прав, когда говорит о родственных связях царей Малой Армении и Понта. Но это их родство ничуть не означает, что передача власти Антипатром Митридату должна была произойти после подчинения Евпатором Каппадокии. Указание Страбона на то, что Митридат стал владыкой Колхиды после того, как его власть значительно усилилась, вполне могло относиться к тому времени, когда Митридат вернулся из изгнания и стал реальным правителем. И то, что он реально эти семь лет изгнания провел именно в горах Малой Армении и с помощью ее царя вернул свой трон, более вероятно, чем предположение о пребывании Митридата на Боспоре. Датировка монет Диоскурии как основание для переноса времени подчинения Колхиды Понту весьма слабый аргумент, что в свое время отмечал Д.Б. Шелов¹². Мы можем быть уверены только в том, что эти монеты были выпущены после подчинения города Митридату, поскольку до этого город не имел своей чеканки. Район же основного распространения этих монет – прежде всего города Северного Причерноморья, куда они были завезены, по мнению нумизматов¹³, воинами понтийской армии. Особенно важно, что эти монеты преобладают в Херсонесе, куда первоначально прибыла армия Понта. И это вполне может служить доказательством того, что подчинение Колхиды произошло до появления понтийцев в Таврике.

Особенности экономического развития городов Причерноморья в описании С.Ю. Сапрыкина не вызывают возражений. Здесь автор следует в русле уже установившейся традиции и дополняет выводы своих предшественников новыми данными. В целом верно представлена и картина политических событий. Некоторые сомнения здесь вызывает лишь оценка роли Митридата-младшего, который, по мнению автора, был наместником Боспора и Понта уже в годы первой войны Митридата с Римом. Статус наместника как-то не увязывается с участием Митридата в военных действиях против Фимбрии. Судя по тексту Аппиана, можно скорее

¹¹ Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись... С. 76 сл.; Молев. Боспор в период эллинизма. С. 119 сл.; Гаврилов А.К. Скифы Савмака – восстание или вторжение? // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 61–62.

¹² Шелов Д.Б. // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси. 1985. С. 651.

¹³ Гилевич А.М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // Нумизматика и сфрагистика. 1968. № 3. С. 47; Дундуа Г.Ф. Нумизматика античной Грузии. Тбилиси. 1987. С. 108.

думать, что Митридат Евпатор послал этого своего сына управлять Колхидой именно из-за его неудачи в этой войне, т.е. когда убедился в его слабости как военного предводителя. Такие аргументы, как дешифровка монограмм монет Понта и Боспора в имя Митридата не могут быть весомыми, поскольку для монетного дела Понта зашифровка имени правителя в монограмму не характерна, и я совершенно согласен с мнением Н.А. Фроловой, что метод определения принадлежности монет по типам монограмм или буквенным обозначениям, а не по имени города или имени и титулу царя, не может быть приемлемым¹⁴.

Высокой оценки заслуживает глава III о взаимоотношениях Понта с Римом. Автор достаточно обстоятельно рассмотрел все детали этих отношений и дал им должную оценку. Здесь можно отметить лишь одну неточность – утверждение автора, что Марий отправился на Восток для оказания давления на Митридата Евпатора. Судя по контексту Плутарха, Марий стремился на время покинуть Рим из-за своих политических неудач и это было для него главным. Но с другой стороны он хотел склонить Митридата к войне, причем именно повлиять, а не оказать давление, ибо давление обычно предусматривает мирный исход дела.

Часть III книги С.Ю. Сапрыкина является новым явлением в изучении истории Понта и потому наиболее интересным. Задачи, которые поставил здесь себе автор, решить очень сложно из-за отсутствия прямых сведений источников и довольно значительной вариативности сведений косвенных. Вследствие этого здесь все или почти все построено на предположениях и допущениях, некоторые из которых могут быть приняты, другие же нет. Отметим, в частности, «Евпаторов закон о наследовании». Предположение автора о том, что названный закон расширял полисные права в юридической сфере, давал гражданским коллективам право наследовать имущество умерших, при отсутствии у них прямых наследников, не вызывает сомнений. Однако введение этого закона на Боспоре в интересах мелких и средних собственников и наличие на Боспоре земельного кризиса при последних Спартокидах, вызывают сомнение. Для обоснования кризиса С.Ю. Сапрыкин ссылается на вывод И.Т. Кругликовой о появлении на Боспоре крупной земельной собственности¹⁵. Однако, во-первых, как следует из письма Аспурга горгиппийцам «Евпаторов закон о наследовании» распространялся лишь на Горгиппию. В монографии же И.Т. Кругликовой дается общий анализ всей сельской территории, включая и царские владения. При этом на той же странице автор отмечает, что основную массу свободных крестьян составляли осевшие на землю предстатели варварских племен. И если распространять действие «Евпаторова закона» столь широко, то трудно говорить о филэллинстве понтийского царя.

Во-вторых, крупные усадьбы II в. до н.э. на хоре городов единичны. Из 5 исследованных усадеб этого времени с хорой городов можно связать лишь две – Загородную усадьбу близ Мирмекия и усадьбу близ х. Рассвет. Усадьбы же у сел Ново-Отрадное, Михайловка и у Семибратнего городища находились на территории царских владений. Причем усадьбу у х. Рассвет И.Т. Кругликова оценивает как усадьбу рядового земледельца¹⁶. Усадьба близ Мирмекия, судя по объему ее виноделен и наличию большого числа таковых в самом Мирмекии, могла быть рассчитана не только на собственные виноградники, но и на закупку винограда, т.е. представлять собой не чисто аграрный, а вполне городской комплекс. Вывод об отсутствии крупных усадеб в рассматриваемое время подтверждается и новейшими исследованиями сельской территории Боспора А.А. Масленниковым¹⁷. Все это дает основание думать, что введение «Евпаторова закона» для горгиппийцев, может быть, имело целью распространение единого законодательства на всю территорию государства и в целом было выгодно лишь для жителей городов, среди которых основную массу составляли греки.

Ошибочным представляется в ряде случаев и метод исследования (метод обратной логики), применяемый автором. Так, он оценивает деятельность Митридата как прямо противоположную той, которая была характерна для Помпея. Но выводить политику любого правителя исходя, прежде всего, из политики его преемников и тем более завоевателей, вряд ли справедливо, ибо цели и задачи той и другой стороны, их социальная опора и многие другие факторы могли быть (и чаще всего были) совершенно различными. Не убеждают и выводы автора о том, что крепости в Понте строились для контроля за полисами и комами. Здесь все построено исключительно на предположениях, которые к тому же зачастую противоречат друг

¹⁴ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – середины IV в. н.э. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 217.

¹⁵ Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 160.

¹⁶ Там же. С. 133.

¹⁷ Масленников А.А. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. Докторская диссертация. Архив ИА РАН. 1993. Р2 № 2522. С. 65–70.

другу, вследствие чего трудно и возражать. Так, например на с. 222 автор говорит об округах Понтийского царства как территориях, подчиненных крупным греческим городам, на с. 223 об укреплениях, которые контролировали ближайшую территорию и были ее столицей, на с. 227 – о крепостях как центрах сбора налогов с округов, на с. 231 – о назначении военных поселений удерживать в подчинении местное население и строительстве их в противовес греческим городам, на с. 237 – о сохранении самоуправления ком, как одной из главных причин строительства крепостей и т.д. При таком разбросе вариантов назначения царских укреплений очень трудно представить себе их реальное предназначение.

Заключительная часть книги написана более удачно. Здесь основные выводы автора построены на более надежных сведениях письменных источников и вполне приемлемы.

В целом, говоря о книге С.Ю. Сапрыкина, нельзя не признать ее важности и значимости для отечественной науки. Она, несомненно, полезна и вносит существенный вклад в изучение истории не только Понта, но и сопредельных с ним эллинистических государств Малой Азии.

Е.А. Молев

© 1998 г.

H. HEINEN. Frühchristliches Trier. Von den Anfängen bis zur Völkerwanderung. Trier: Paulinus Verlag, 1996.

В книге представлена история христианства в Трире начиная с III в. и до Великого переселения народов. Как отмечает автор, книга написана не только и не столько для специалистов. Действительно, она представляет интерес и для историков римского христианства и для широкого круга читателей. В ней приведены общие сведения о Трире и его связях с другими городами в контексте политической обстановки Римской империи, разбираются все известия о христианах в Трире, даются персоналии трирских епископов, анализируются эпиграфические, литературные, археологические источники, критически рассматривается средневековая традиция. При этом исследователь ставит вопросы перед читателем, как бы вовлекая его в свои рассуждения. Книга читается с неослабевающим интересом. Пересказать ее содержание в краткой рецензии трудно, я остановлюсь на тех вопросах, которые мне кажутся наиболее интересными.

В первой главе «Римская Галлия. Окружение раннего христианства» автор подробно рассматривает галльские связи Трира. Он не ограничивается только исследованием начала христианства, но воссоздает духовную атмосферу того времени: он считает, что в религиозной жизни Поздней империи, как это видно из споров и диспутов, сочетались диффамация, нетерпимость, преследования на религиозной почве. Одна из целей его исследования – не судить, но понять эту ситуацию. Хайнен дает описание языческих культов Трира, который с его точки зрения был галльским городом, где сложилась галло-римская культура. Кельтские божества выступали или под римским именем или под двойными именами, например *Lepus-Mars*. Религиозное влияние шло с востока и с юга, обнаружен митреум, изображения Геракла и Минервы. По мнению Хайнена, христианство пришло в Трир из Лугдуна в последние десятилетия II в. Он предполагает, что во время известных лионских гонений гибель христиан на арене амфитеатра была приурочена к празднику, на котором могла присутствовать и делегация граждан Трира. В Лугдуне же христианство, как и другие восточные культы, непосредственно шло с Востока. В книге приведена найденная в Лионе в 1974 г. исключительно интересная надпись на греческом языке, составленная гексаметром. Надпись представляет собой эпитафию некоего Юлиана Евктения из Лаодикеи Сирийской. Там сказано, что он обладал силой убеждения и добродетелью души, он прошел по многим общинам области кельтов... Окончание надписи настолько повреждено, что понять его трудно. Вероятно, речь идет о бродячем проповеднике или учителе философии – трактовок могут быть различны. Автор разделяет мнение, что Евктений был христианским миссионером (что возможно, но, с моей точки зрения, не вытекает из стилистики надписи). В эпитафии упоминаются три рода кельтов, у которых бывал покойный. Это значит, считает Хайнен, что Евктений был и в *Gallia Belgica*, где находился Трир. В любом случае можно говорить о восточных связях этого региона.

Анализируя свидетельства, имеющие отношение к населению Трира, Хайнен привлекает